

Е. Я. Бурлина

Художник и власть: хронотоп двоемыслия и двусмысливания

Один из популярных туристических объектов на Волге – бункер Сталина – располагается в Самаре (бывшем Куйбышеве) на улице Шостаковича. Фактическая сторона драматичного историко-культурного коллажа хорошо известна и многократно описана. Великий композитор Д. Д. Шостакович жил больше года в «запасной столице» (с октября 1941 г. по март 1943 г.), здесь состоялась легендарная премьера его Седьмой «Ленинградской» симфонии.

Феномены «двоемыслия» и «двусмысливания» в современной русской культуре остаются важной, уже не столько музыковедческой, сколько философской проблемой взаимоотношений художника и власти. Автор стремится сформулировать пространственно-временной код двоемыслия – двусмысливания в советском обществе. Поводом для размышлений является, с одной стороны, один из самых известных фактов отечественной культурной истории о премьере в Куйбышеве Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича; а с другой – значимый и выразительный, но малоизвестный факт дневниковой музыкальной исповеди композитора, сделанной буквально вслед за легендарной премьерой симфонии в «запасной столице» – Куйбышеве [1, 2].

Ключевые слова: двоемыслие, двусмысливание, раздвоенность пространства-времени (хронотопии) советской культуры.

Е. Ja. Burlina

An Artist and Power: Chronotype of Doublethink and Two Senses of Culture

The popular Touristic Facility on the Volga River – Stalin's bunker – located in Samara (former Kuibyshev) in the street named after composer Dmitri Shostakovich. Dramatic historical and cultural collage is well known. The great composer Shostakovich lived more than a year in "the reserve capital" (from October 1941 to March 1943) and there was the legendary first night of his Seventh "Leningrad" symphony.

Phenomena of "doublethink" and "two senses of culture" in modern Russian culture remain to be important, and not so much musicological, but mainly a philosophical problem of relationship of the artist and power. The author tries to formulate an existential code of doublethink – two senses of culture in the Soviet society. A reason for ideas is, on the one hand, one of the most well-known facts of national cultural history about the first night of the Seventh symphony of D. D. Shostakovich in Kuibyshev; and on the other hand, a significant and expressive, but little-known fact of a diary musical confession of the composer made just after the legendary first night of the symphony in "the reserve capital" – Kuibyshev [1].

Keywords: doublethink, two senses of culture, duality of space-time (chronotope) of the Soviet culture.

Двойственная позиция ряда выдающихся советских художников, исповедовавших «соцреализм», но одновременно сохранявших приверженность Серебряному веку, авангарду, модерну, замечена давно. Нельзя отрицать «двоемыслие» художников этой культуры¹. И. В. Кондаков ссылается на таких деятелей искусства, как А. Н. Толстой, В. П. Катаев, И. И. Бродский, С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович [7, 8, 9]: не отказываясь от своих чисто художественных предпочтений, сложившихся в юности, они идеологически служили советской эпохе.

«Искреннее совпадение – это случай Сергея Сергеевича», – пишет С. М. Слонимский. Приглашение Прокофьева в качестве композитора знакового советского фильма «Александр Невский», в котором он, по сути, был соавтором кинорежиссера С. М. Эйзенштейна, несомненно, подтверждает его совпадение с требованиями советской эпохи [12]. Прокофьев не бросал авангардные искания, но имел «зеленый свет» на советских концертных и театральных сценах. По мнению О. Девятовой, композитор свободно писал у себя на Родине, поскольку его личная художественная система вписалась в «эпоху» [5].

Несмотря на то, что последние годы его творчества были омрачены наветами, композитор искренне и до конца жизни стремился внести вклад в советскую тематику. Доказательством тому его последние оперы: «Семен Катко», «Повесть о настоящем человеке», совмещающие героику соцреализма и музыкальный язык авангарда. Подобный комплекс связывают с «упоением», «причастностью», а иногда с «завистью» [10]. Мы склонны также к понятию «двуосмысления», которое не подразумевает полной неискренности, но связано с особой философской позицией.

«Двоемыслие» (англ. doublethink) – термин Дж. Орруэла в романе «1984»: одновременное признание разных мнений; забвение определенных глав истории, если того требуют сила и власть, «черно-белое», «я-ноу».

«Двуосмысливание» – признание рядоположенности нескольких смыслов; диалог, толерантное принятие разных позиций, а также и самосохранение с учетом «других» и «чужих» голосов. Пример: различные и рядоположенные интерпретации художественных произведений – также двуосмысление, рождающееся в разные эпохи и для разной публики.

Итак, отталкиваясь от междисциплинарной и трансдисциплинарной проблематики [6], можно показать, как советская эпоха требовала от художника «двоемыслия» и оставляла поле «двуосмысливания». Вопрос в том, в каких формах художнику дано было отстаивать свою идентификацию; наконец, как эта двойственность оценивается сегодня.

Вернемся еще раз к ссылке на Шостаковича и его «куйбышевской эпопее», когда после легендарной премьеры Седьмой симфонии, захватившей всю страну и самое дальнее зарубежье; несмотря на тяжелейшее военное время, он пишет некоторое «закрытое», адресованное узкому кругу лирическое сочинение, обличающее тиранов мира.

Д. Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны был, несомненно, проникнут огромным чувством сопричастности к трагедии народа. Вслед за А. А. Ахматовой мог бы повторить: «Я была тогда с моим народом, / Там, где он, к несчастью, был». Он принимал и подталкивал крупнейшее культурное событие XX в., связанное с премьерой его Седьмой симфонии (Куйбышев, 5 марта 1942; Москва, 29 марта 1942), а потом и легендарное исполнение его музыки в блокадном Ленинграде (9 августа 1942), ставшее мифом, фильмом, страницами учебников и темой на все времена для СМИ.

Параллельно великого мастера переполнял судорожный страх перед немилостью Сталина, доводивший его до судорог и приступов. Его изводила память о событиях 1936 г., когда были арестованы люди его ближайшего окружения, когда сам он едва жил в судорогах страха. Композитор переживал мучительные и противоречивые чувства в «запасной столице», после блистательной премьеры Седьмой симфонии, вылившейся в нечто большее, чем исполнение гениального музыкального сочинения.

Недаром в течение одной недели после премьеры с военных аэродромов под Куйбышевом улетели самолеты с тайным грузом: один летел через северную Африку в Соединенные Штаты; другой был отправлен в Швецию. В Лос-Анджелесе, под управлением Тосканини, а в Копенгагене, можно сказать, под управлением советского посла А. Коллонтай, состоялись мощные культурные события, опровергавшие пропаганду о дикости и варварстве советской России.

Идея подобной интерпретации Седьмой симфонии, судя по всему, принадлежала писателю А. Н. Толстому, прибывшему ненадолго в Куйбышев в начале 1942 г. Патриотическая интерпретация Толстого была опубликована на страницах газеты «Правда», потом была раскручена всей мощью безупречно работавшей государственной машины.

А композитор тем временем не мог остановить неукротимое желание записать и передать самым близким друзьям свои личные «шифровки». Он параллельно писал в военном Куйбышеве «явные» и «тайные» произведения.

Письма к друзьям, написанные самим Шостаковичем в эвакуации, оказались доступны только в 1990-е гг. [6]. В коротких письмах постоянно мелькают плоды двоемыслия. Например, пишет он с горькой иронией И. Гликману из Куйбышева: *«Скоро победа и мы вновь заживем под солнцем Сталинской конституции».*

В премьерные дни марта 1942 г., как уже отмечалось, у композитора рождается совершенно другая идея и он торопится ее записать. Сразу вслед за Седьмой симфонией Шостакович завершил вокальный цикл на тексты английских поэтов У. Ралея, Р. Бернса и В. Шекспира. В письмах к И. Соллертинскому, И. Гликману он информирует о новом сочинении и посвящении близким. Самый первый романс – молитва об избежании участи быть повешенным – посвящен сыну Максиму, тогда 4-летнему ребенку.

Другой романс этого же цикла – «Макферсон перед смертью» – шедевр бесстрашия и черного юмора, когда весело, отчаянно идут к виселице, потому что *за смертью одной – свобода*. Освобождают юмор и смерть: «Привет вам, тюрьмы короля, где жизнь влачат рабы».

Выбор для пятого романа – сонета LXVI Шекспира и посвящение Ивану Ивановичу Соллертинскому раскрывает все иносказания. Самый мрачный и самый исповедальный из шекспировских сонетов. Напряженный возглас в слишком высокой для баса тесситуре: «И вспоминать, что мысли заткнут рот».

И последний, самый короткий, романс – сумрачный прогноз: «По склону вверх повел король ряды своих полков, по склону вниз спустился он – но только без полков!» Перейдена граница юмора, шуток, детского стишка, но высказано темное, мрачное предчувствие. Конец. Присутствие смерти. 1942 год, Куйбышев.

Подобное двоемыслие описывает, например, известный немецкий профессор-лингвист Виктор Клемперер. Сошлемся также на предпринятый немецким ученым К. Паппом анализ двоемыслия на материалах дневников Томаса Манна и того же Виктора Клемперера [13].

В конце XX в. Ю. А. Левада делал вывод, что в первую очередь «школу двоемыслия» проходили элитарные слои [11]. Известный эпизод из фильма режиссера Г. Н. Данелия «Кин-Дза-Дза», когда землянам вешают на лицо собачий намордник и требуют радоваться, был бы понятен выходцам из разных эпох и стран.

Обратим внимание на пространственно-временной срез рассматриваемой проблемы. В тоталитарных обществах единственным местом для самовыражения становится приватное пространство («кухня», «письмо к другу», «ночной дневник» и т. п.); тогда как потерянным оказывается официальное пространство («собрание», «парламент», «свободное слово» и т. п.).

Подчеркнем и то, что категорически разводятся смыслы времени: «чужое время», «страшное время» или «время великих свершений», «время великих побед». Феномен двоемыслия, как справедливо пишет Д. Г. Горин, приводит сталинскую эпоху к принципу кодирования времени, «в котором различие прошлого, настоящего и будущего характерным образом смещалось» [4].

Таким образом, феномен двоемыслия можно определить еще и как «хронотипию», то есть потерю социального пространства и коммуникации. Приватное, камерное, пространство становилось

единственным местом для идентификации в условиях запрета на вторые или другие смыслы. А для людей искусства и науки оставалось еще свободным и глобальное пространство наследий: отсюда обращение к Шекспиру, античной философии или истории естествознания было закодированным протестом, помещенным в пространство наследий.

Изобретенная Шостаковичем маскировка не была оправданием зла, не была даже и компромиссом. По нашему мнению, это были разные времена и пространства, в которых доводится жить одновременно. Таков код двоемыслия.

Библиографический список

1. Бурлина, Е. Я. «Белые одежды» Дмитрия Шостаковича [Текст] / Е. Я. Бурлина // Межкультурная коммуникация. Толерантность: избранные статьи, исследования, проекты. 1997–2007. – Самара, 2007.
2. Бурлина, Е. Я. Летопись и исповедь [Текст] / Е. Я. Бурлина // Город-страна-Планета. Модели гуманизма в художественной культуре. – Изд. 5-е. – Самара, 2014.
3. Гликман, И. Письма к другу. Д. Шостакович – И. Гликману [Текст] / И. Гликман. – М., 1993.
4. Горин, Д. К феноменологии двоемыслия: метафизика культуры «диалектического материализма» [Текст] / Д. Горин // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4(78).
5. Девятова, О. Л. Сергей Прокофьев в советской России: конформист или свободный художник [Электронный ресурс] / О. Л. Девятова // Человек в мире культуры. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sergey-prokofiev-v-sovetskoy-rossii-konformist-ili-svobodnyy-hudozhnik>
6. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев. – М.: Институт философии РАН, 2009. – 203 с.
7. Кондаков, И. В. Культура России [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / И. В. Кондаков. – М.: Кн. дом «Ун-т», 1999. – 357 с.
8. Кондаков, И. В. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков) [Текст] / И. В. Кондаков // Вопросы литературы. – 2008. – № 5.
9. Кондаков, И. В. Слово о модерне: Прокофьев и Шостакович [Текст] / И. В. Кондаков // Современная Европа. – 2005. – № 1. – С. 157–159.

10. Круглова, Т. Соблазны соцреализма, попытки «зависти», упоение причастностью: о советском художественном конформизме [Текст] // Т. Круглова // Неприкосновенный запас. – № 96 (4/2014).

11. Левада, Ю. А. Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблема методологии анализа [Текст] // Ю. А. Левада // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: информационный бюллетень. – 1995. – № 6.

12. Слонимский, С. М. Трагическая судьба солнечного музыканта (О Прокофьеве) / С. Слонимский // Свободный диссонанс. – СПб.: Композитор. – 2004. – С. 124.

13. Papp, K. Deutschland von innen und von außen: die Tagebücher von Victor Klemperer und Thomas Mann zwischen 1933 und 1955. – Berlin: WVB, 2006.

9. Kondakov, I. V. Slovo o moderne / Prokof'ev i Shostakovich [Tekst] // Sovremennaja Evropa. – 2005. – № 1. – S. 157–159.

10. Kruglova, T. Soblazny socrealizma, popytki «zavisti», upoenie prichastnost'ju: o sovetskom hudozhestvennom konformizme [Tekst] // Neprikosnovennyj zapas. – № 96 (4/2014).

11. Levada, Ju. A. Vozvrashhajjas' k fenomenu «cheloveka sovetskogo»: problema metodologii analiza [Tekst] // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: Monitoring obshhestvennogo mnenija: Informacionnyj bjulleten'. – 1995. – № 6.

12. Slonimskij, S. M. Tragicheskaja sud'ba solnechnogo muzykanta (O Prokof'eve) / S. Slonimskij // Svobodnyj dissonans. – SPb.: Kompozitor. – 2004. – S. 124.

13. Papp, K. Deutschland von innen und von außen: die Tagebücher von Victor Klemperer und Thomas Mann zwischen 1933 und 1955. – Berlin: WVB, 2006.

Bibliograficheskij spisok

1. «Belye odezhdyy» Dmitrija Shostakovicha [Tekst] // E. Ja. Burlina. Mezhhkul'turnaja kommunikacija. Tolerantnost'. Izbrannyye stat'i, issledovanija, proekty. 1997–2007. – Samara, 2007.

2. Burlina, E. Ja. Letopis' i ispoved' [Tekst] // Burlina E. Ja. Gorod-strana-Planeta. Modeli gumanizma v hudozhestvennoj kul'ture. Izd. 5-e. – Samara, 2014.

3. Glikman, I. Pis'ma k drugu. D. Shostakovich – I. Glikmanu [Tekst]. – M., 1993.

4. Gorin, D. K fenomenologii dvoemyslija: metafizika kul'tury «dialekticheskogo materializma» [Tekst] // Neprikosnovennyj zapas. – 2011. – № 4(78)

5. Devjatova, O. L. Sergej Prokof'ev v sovetskoj Rossii: konformist ili svobodnyj hudozhnik [Elektronnyj resurs] // Chelovek v mire kul'tury. – 2013. – № 2. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/sergej-prokofiev-v-sovetskoy-rossii-konformist-ili-svobodnyj-hudozhnik>

6. Kijashhenko, L. P., Moiseev, V. I. Filosofija transdisciplinarnosti [Tekst]. – M.: Institut filosofii RAN, 2009. – 203 s.

7. Kondakov, I. V. Kul'tura Rossii [Tekst]: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. – M.: Kn. dom «Un-t», 1999. – 357 s.

8. Kondakov, I. Po tu storonu slova (Krizis literaturocentrizma v Rossii XX–XXI vekov) [Tekst] // Voprosy literatury. – 2008. – № 5.

¹ С. С. Неретина вводит понятие *двуосмысленность* для средневековой логики, где работает «эквивокация», «интенция», «субъект-субстанция» и пр. – См.: Неретина С. С. Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в двух томах. – М., 2001–2002.

«Двуосмысленность» кардинально отличается от «двоемыслия». См.: Неретина С. С. Идея культуры: от трансцендентного к имманентному (О философии в СССР после Октября). – Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2007. – № 1.